

МАРИНА ВАСИЛЬЕВНА ЛОМОНОСОВА

кандидат социологических наук,
доцент кафедры теории и истории социологии
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: nm.lomonosova@spbu.ru; lomonosovamv@mail.ru

УДК: 316(929)

DOI: 10.24411/2079-0910-2020-12006

«На смерть Ф. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева»: рукопись Н. И. Кареева в Пушкинском Доме

Статья основана на результатах исследования, проведенного в архивных фондах Пушкинского Дома. В 1918 г. известный историк и социолог Николай Иванович Кареев написал некролог в стихах, желая отдать дань памяти своим коллегам и пытаясь донести до самых широких слоев общества крик протеста против жестокого убийства А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина. Но Русская революция 1917 г., ставшая Рубиконом между двумя эпохами, привела к закрытию «Ежемесячного журнала литературы, науки и общественной жизни», в котором и планировал Н. И. Кареев опубликовать свое стихотворение — некролог не только А. И. Кокошкину и Ф. Ф. Шингареву, но и целой эпохе.

В статье показано, что историческая социология в целом и конкретные историко-социологические исследования требуют взвешенного подхода к источникам, как традиционным, так и историографическим. При этом социологическим методом, позволяющим верифицировать различные сведения и результаты научных работ прошлых лет, является анализ документа. Научно-методическими и информационными центрами по работе с документами выступают архивы, обеспечивающие не только хранение исторических документов, но и возникновение научной коммуникации.

Ключевые слова: Н. И. Кареев, Ф. Ф. Кокошкин, А. И. Шингарев, Пушкинский Дом, история российской социологии, архивный документ, Русская революция 1917 г.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-011-01168 А.

Обращение к истории российской социологии — это важная составляющая институционализации социологии на современном этапе. Формирование социологии в России началось приблизительно в тот же период, что и в Европе, в конце XIX — начале XX в. Однако этот процесс не проходил гладко: на его пути возникали всевозможные препятствия как политического характера, так и академического. Фигура Николая Ивановича Кареева, несомненно, в процессах становления новой науки является знаковой, а историко-социологические исследования, опирающиеся на

работу в российских архивах, позволяют значительно обогатить страницы истории отечественной социологии.

Архивный фонд Российской Федерации — важный источник документов, представляющих интерес не только для историков, но и для социологов. В современной России архивы реализуют политику по рассекречиванию документов, открывающую широкие возможности для исследователей и обычных граждан. Тем не менее социологи не в полной степени используют ресурсы архивов, и только профессиональные историки обращаются к архивным материалам как к источнику информации без лишних рассуждений о целесообразности их использования — это часть их профессии. Безусловно, существует ряд ограничений доступа к архивным документам в соответствии с международными соглашениями и законодательством Российской Федерации, а также с распоряжением собственника или владельца архивных документов, находящихся в частной собственности, но эти ограничения сегодня не могут значительно повлиять на качество историко-социологических исследований.

Открытые архивные документы составляют подавляющее большинство (96%)¹ от общего количества документов, хранящихся в федеральных архивах. Именно с этими документами свободно знакомятся исследователи. Особое место в структуре Архивного фонда Российской Федерации занимают музеи, библиотеки, а также архивы РАН. Исторически сложившиеся и постоянно пополняющиеся коллекции документов этих учреждений представляют особый интерес для социологов, занимающихся историей российской социологии. Это связано с тем, что многие фонды академических учреждений, исследовательских организаций, личные фонды российских ученых в основном находятся на хранении в архивах учреждений, входящих в структуру РАН.

Научно-исследовательская работа в фондах Рукописного отдела Пушкинского Дома — Института русской литературы РАН (ИРЛИ РАН, СПб.) — позволила выявить забытую рукопись Н. И. Кареева «На смерть Ф. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева. Стихотворение» (1918). Рукопись находится в фонде Виктора Сергеевича Миролюбова (1860–1939), русского литератора, издателя «Ежемесячного журнала литературы, науки и общественной жизни». Н. И. Кареев, по всей видимости, планировал опубликовать некролог в стихах на смерть своих соратников и друзей именно в «Ежемесячном журнале», но из-за революционных потрясений деятельность журнала была приостановлена. В 1918 г. вышло в свет всего два выпуска.

Стоит сказать несколько слов о «Ежемесячном журнале литературы, науки и общественной жизни», издававшемся В. С. Миролюбовым с 1913 г. и продолжавшем традиции популярного «Журнала для всех», тираж которого в 1903 г. составлял 80 тыс. [Ахмадулин, 2008, с. 92], что в то время для России было абсолютным рекордом. Этот успех был достигнут благодаря точному расчету издателя на провинциальную публику, городскую и сельскую интеллигенцию, грамотных крестьян; кроме этого, Миролюбову удалось привлечь к сотрудничеству в журнале таких знаменитых писателей, как М. Горький, А. П. Чехов, А. И. Куприн, В. В. Вересаев и др. В программу журнала входили рассказы о путешествиях, жизнеописания выдающихся людей, научно-популярные очерки, публицистические статьи,

¹ Федеральное архивное агентство. Справка об итогах паспортизации федеральных архивов по состоянию на 01.01.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://archives.ru/reporting/spravka-passportization-federal-archives-2016.shtml> (дата обращения: 01.05.2020).

Ф. 185 Фонд В. С. Мирового
 Оп. 1
 № 1396

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
 (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН
 РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ

Кареев Николай
Иванович

На смерть Ф. Ф. Кокошкина
и А. Н. Шингарева
стихотворение

(обучение их в Мариинской
тюремной б-зе в 1918 г.)
член партии К.-Д.

Крайние даты
1918

Количество листов
2

Рис. 1. Обложка рукописи Н. И. Кареева (ИРЛИ РАН. Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 1396)

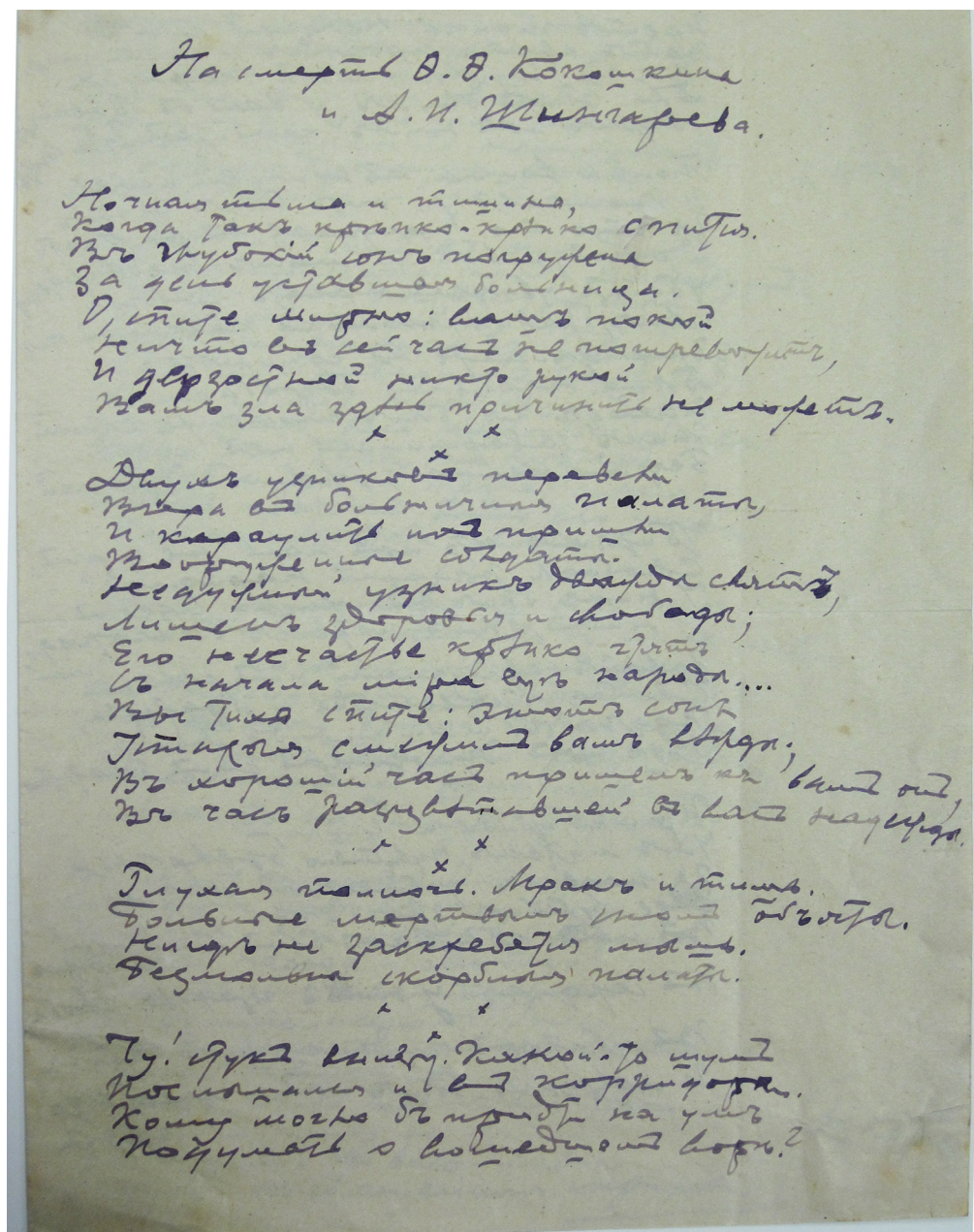

Рис. 2. Первая страница рукописи Н. И. Кареева (ИРЛИ РАН. Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 1396. Л. 2)

транслирующие установки демократической журналистики рубежа веков. Нужно отметить, что В. С. Миролюбов (в свое время известный певец, бас Мариинского театра, выступавший под псевдонимом Мирон и потерявший голос из-за болезни) был хорошо знаком с Н. И. Кареевым, П. А. Сорокиным, Н. Д. Кондратьевым, С. П. Постниковым и многими другими учеными и политическими деятелями. При этом их объединяло не только сотрудничество в «Ежемесячном журнале», но и общие социально-политические взгляды, которые с принятием 27 октября (9 ноября) 1917 г. Советом Народных Комиссаров (СНК) «Декрета о печати» стало практически невозможно выразить на страницах газет и журналов в условиях жесткой цензуры. Кроме того, именно на основании указанного Декрета выстраивалась политика большевиков относительно подавления оппозиционной журналистики.

Поскольку, как было отмечено ранее, «Ежемесячный журнал» был закрыт, в его редколлегии осталось большое количество неопубликованных работ, в том числе и некролог в стихах, написанный Н. И. Кареевым на смерть Ф. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева. Попутно отметим, что в этом отношении фонд В. С. Миролюбова в Пушкинском Доме может быть интересен для дальнейшего изучения, так как многие документы, касающиеся деятельности редколлегии «Ежемесячного журнала» периода революционных потрясений 1917 г., так и не были опубликованы, как и интересующее нас стихотворение.

Что же заставило Н. И. Кареева обратиться к поэзии? Ответ на этот вопрос прост и очевиден: он был настолько потрясен убийством в Мариинской тюремной больнице 7 января 1918 г. членов ЦК партии кадетов А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина, что готов был кричать об этом на весь мир — так же, как в свое время М. Ю. Лермонтов написал знаменитое стихотворение «Смерть поэта» (1837), потрясенный трагической гибелью А. С. Пушкина. Однако если Лермонтов этим произведением сразу снискал громкую известность, открыто заявив о своей гражданской позиции, то отклик на трагические события 1918 г. Н. И. Кареева становится доступным лишь сейчас, спустя столетие, благодаря публикации этого стихотворения на страницах научного журнала. Таким образом, архивный документ, сохранившийся в фондах Пушкинского Дома, вовлекается в научную коммуникацию.

На смерть Ф. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева

*Ночная тьма и тишина,
Когда так крепко-крепко спится.
В глубокий сон погружена
За день уставшая больница.
О, спите мирно: ваш покой
Ничто в сей час не потревожит
И дерзостной никто рукой
Вам зла здесь причинить не может.*

* * *

*Двух узников перевели
Вчера в больничные палаты,
И караулить их пришли
Вооруженные солдаты.*

*Ненужный узник дважды свят,
Лишен здоровья и свободы;
Его несчастье крепко чтят
С начала мира все народы...
Вы тихо спите: этот сон
Усталая смежил вам вежды;
В хороший час пришел к вам он,
В час расцветавшей в вас надежды.*

* * *

*Глухая полночь. Мрак и тишь.
Больные мертвым сном объаты.
Нигде не заскребется мышь.
Безмолвны скорбные палаты.*

* * *

*Чу! Стук внизу. Какой-то шум
Послышался и в коридоре.
Кому могло б прийти на ум
Подумать о вошедшем воре?
Идет толпа. Неясный гул.
Вот света просят у сестрицы.
«Вы что?» — «Мы — новый караул
Для этих двух у вас в больнице».
«Один из них как раз тут спит».
Толпа вошла к нему в палату,
И тотчас же он был убит
За что-то прошлое в расплату.
Другой, тем шумом пробужден,
Убийц увидел пред собою:
«Ах, братцы, — только крикнул он,
Что делаете вы со мною?»
Была неравная борьба.
Исход ее был тот же самый.
Так завершилась их судьба
Бессмысленной, ужасной драмой.*

* * *

*Убитых кто из нас не знал,
Свободы рыцарей народной?
У них был в жизни идеал,
У них был подвиг благородный.
Завет священный им светил
Свободы, равенства и братства;
Подъятый ими труд явил
Всех их духовных сил богатства.*

* * *

*Пришли, убили и ушли, —
Ум мутен, чувство озверело, —
За подвиг доблестный сочли
Свое убийцы злое дело.
В их головах был полный мрак,
В сердцах у них царила злоба,
В убитых чудился им враг,
И лозунг был их — месть до гроба.
Вокруг твердили им одно:
Смотрите, вот враги народа.
Им их убить еще дано,
Погибла русская свобода!
К тому же столь была легка
Задача устранить ненужных,
И их не дрогнула рука
Убить во сне и безоружных.*

* * *

*Не так ли точно в оны дни
Толпа кричала пред Пилатом:
«Распни Его, распни, распни!
Его мы не считаем братом!»
«Прости, не видят, что творят» —
Молился Праведник распятый,
Своих убийц простивший брат
И к ним всем жалостью объятый.
Когда для Гуса на костер
Старуха дров несла (слепая!),
Был кроток и его укор:
«Какая простота святая!»*

* * *

*Враги ль народа, кто без слов
Презренной говорит с ним лести
И от кого не слышен зов
К братоубийству, к дикой мести?
Их дух другой, другой язык:
Что значит, если разобраться,
Предсмертный Шингарева крик:
«Ах, что вы делаете, братцы?»*

* * *

*Вы спите непробудным сном,
Сошедшие под вечны своды!
Живых все мысли об одном,
Друзей народа и свободы:*

*Придет день, и ваш завет
Узрит исполненным Россия,
Когда воспримет правды свет
Народа темная стихия.
А вас чтить будет вся страна,
Венцы мученья вы стяжали,
И впишет ваши имена
Народ в священные скрижали.*

[РО ИРЛИ РАН. Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 1396. Л. 1, 2]

«Враги ль народа, кто без слов презренной говорит с ним лести <...>?» Именно так ставит свой основной вопрос в этом стихотворении Н. И. Кареев, протестуя против «бессмысленного и беспощадного» убийства. Сегодня уже мало кто знает об этом трагическом событии в Мариинской тюремной больнице 7 января 1918 г., но и тогда оно, всколыхнув всю страну, было забыто очень быстро, как и похороны Ф. Ф. Шингарева и А. И. Кокошкина, вызвавшие резонанс в обществе. Если в начале 1918 г. у представителей разных идеологических течений была возможность открыто обсуждать острые социальные и политические вопросы, то после специального обращения к народу 2 сентября 1918 г. председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) Я. М. Свердлова о начале так называемого красного террора все изменилось. Многочисленные волюнтаристские акты насилия обрели легитимность в обществе. Характерно, что этот процесс прошел очень быстро, так как «фактически красный террор проводился с октября 1917 года, большевистский террор стал упорядоченным и системным весной-летом 1918 года и был узаконен юридически осенью 1918 года» [Осипов, 2019, с. 37]. На Всероссийском съезде Советов Я. М. Свердлов 5 июля 1918 г. сказал: «И, если говорить сколько-нибудь серьезно о тех мероприятиях, к которым нам приходится прибегать в настоящее время, то <...> мы можем указать отнюдь не на ослабление террора <...>, но наоборот на самое резкое усиление массового террора, против врагов Советской власти» [Свердлов, 1976, с. 197–198]. Спустя всего два месяца, 5 сентября, вышло Постановление Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР «О красном терроре»², ставшее Рубиконом между двумя эпохами — эпохой до Русской революции 1917 г. и эпохой после нее. Ф. Ф. Кокошкин, А. И. Шингарев, да и сам автор некролога Н. И. Кареев, принадлежавшие к ушедшей эпохе, своей профессиональной деятельностью во многом внесли вклад в приближение революции, но и стали первыми ее жертвами. Кокошкин и Шингарев были убиты, а Кареева впереди ждали сложные годы академической жизни в условиях идеологических, экономических и социальных лишений.

Но были ли Кокошкин и Шингарев «врагами народа»? Для ответа на этот вопрос нужно обратиться к фактам биографии и причинам их трагической смерти, ставшей поводом для публикуемого нами некролога. Подробные обстоятельства убийства Кокошкина и Шингарева исследованы в ряде научных работ, например:

² Постановление СНК РСФСР от 05 сентября 1918 г. «О красном терроре». Документ утратил силу в связи с изданием Постановления ВЦИК, СНК РСФСР от 25 января 1928 г. «Об утверждении перечня узаконений Правительства РСФСР, утративших силу, но не отмененных до сего времени особыми постановлениями».

[Кононова, Лисенкова, 2017], поэтому остановимся лишь на той информации, которая касается истории российской социологии.

Андрей Иванович Шингарев (1869–1918) — врач, российский политический и земский деятель, публицист. Один из основателей партии кадетов (с 1908 г. член ЦК партии). Член II–IV государственных дум. Во Временном правительстве — министр земледелия; с 5 мая по 2 июля 1917 г. министр финансов. Арестован в ноябре 1917 г., содержался в Петропавловской крепости. 6 января 1918 г. переведен вместе с кадетом Ф. Ф. Кокошкиным в Мариинскую тюремную больницу, где они оба в ночь на 7 января были убиты матросами и красногвардейцами.

Федор Федорович Кокошкин (1871–1918) — правовед, один из основоположников конституционного права России, политический деятель, один из основателей партии кадетов (с 1905 г. бессменный член ЦК партии). После революционных потрясений в феврале 1917 г. Ф. Ф. Кокошкин возглавлял Юридическое совещание и Особое совещание по подготовке закона о выборах в Учредительное собрание. Государственный контролер во Втором коалиционном составе Временного правительства, депутат Учредительного собрания от партии кадетов. 28 ноября 1917 г. на основании декрета Совнаркома³, объявившего, что члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов, был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В связи с обострением туберкулеза был переведен в Мариинскую тюремную больницу вместе с А. И. Шингаревым, где его постигла та же участь.

Политики, стоявшие у истоков либерально-освободительного движения в России, работающие на ниве просвещения, здравоохранения и науки, безусловно, не были «врагами народа». До отречения 2 (15) марта 1917 г. от престола Николая II они были в оппозиции, противодействуя царскому правительству исключительно парламентскими методами, а после целой череды революционных событий в октябре 1917 г. уже Совет народных комиссаров РСФСР, воспринимая конституционно-демократическую партию и ее членов как оппозицию, стал использовать в борьбе с кадетами радикальные методы, объявив их «врагами народа». В эту категорию попала даже самая «народная» партия — партия социалистов-революционеров. И здесь можно обратиться к страницам биографии всемирно известного социолога П. А. Сорокина.

П. А. Сорокин как активный член партии эсеров был в оппозиции к власти большевиков. Будучи депутатом Учредительного собрания («самого короткого парламента» в истории человечества: его заседания продолжались всего 12 часов, причем партия эсеров получила на выборах более 40 % голосов⁴, что говорит о ее поддержке среди широких слоев населения) от Вологодского губернского округа, лидер правых эсеров П. А. Сорокин в ноябре — декабре 1917 г. работал в Союзе защиты учредительного собрания. Открытый конфликт с большевиками привел к его аресту. Он был арестован 2 января и освобожден 23 февраля 1918 г., о чем свидетель-

³ Декрет Совета Народных комиссаров об аресте вождей гражданской войны против революции, 28 ноября (11 декабря) 1917 г.

⁴ Начались выборы в Учредительное собрание [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prilib.ru/history/619753> (дата обращения: 01.05.2020).

ствуется «Список заключенных Трубецкого бастиона Петропавловской крепости»⁵, сохранившийся в архивах, но свидетельства его заключения можно найти не только в архивных документах, но и в воспоминаниях других узников «Русской Бастилии».

И здесь круг замыкается возвращением к жестокому убийству в стенах Мариинской тюремной больницы. Буквально за два дня до трагической гибели, 5 января, А. И. Шингарев записал в своем дневнике, который вел в Петропавловской крепости, следующее: «Когда я шел гулять, сзади меня в коридоре солдат сказал: “Честных людей здесь держат, а негодяи”... дальше я не слышал. Гуляли мы сегодня вместе, все члены Учредительного Собрания, то есть прибавились к нам Сорокин и Аргунов» [Шингарев, 1918, с. 60]. Питириму Сорокину удалось избежать трагической участи своих коллег, оказавшихся в оппозиции Советской власти, а спустя годы прославить и продолжить академические традиции отечественной науки уже на другом континенте в Гарварде. Жизнь А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина завершилась жестоким убийством. Их имена, как и вклад в российскую социологическую мысль, были преданы забвению. А ведь работа Шингарева «Вымирающая деревня» (1901) могла бы не только пополнить список сочинений классиков отечественной социологии, но и помочь избежать многих ошибок коллективизации и индустриализации в последующие годы переломной эпохи. В труде «Вымирающая деревня» на основе сравнительного статистического и социологического исследования селений Воронежского уезда представлен глубокий анализ социально-экономических условий жизни российского крестьянства. Результаты исследования отчетливо выявили бедственное положение крестьян: голод, нищету, высокий уровень детской смертности и заболеваемости, неграмотность, малоземелье. Автор в предисловии ко второму изданию этой работы в 1907 г. писал: «Открывшаяся при их изучении тяжелая картина резкого санитарного неблагополучия, соединенного с поразительной экономической несостоятельностью населения, дала мне тогда основание применить к ним определение “вымирающих деревень” <...> Картина физической и материальной немощи населения, к тому же стоящего очень невысоко в культурно-бытовом отношении, почти безграмотного, забитого и лишенного стойкой самостоятельности, была тем более тяжка, что она являлась как бы характеристикой общего положения сельского населения обширного района России» [Шингарев, 1907, с. 1].

Изучая причины, понижающие или вовсе прекращающие прирост населения, А. И. Шингарев делает вывод о том, что «низкий культурный уровень населения и его ужасающая материальная необеспеченность и безземелье стоят в непосредственной зависимости от *социальных ошибок прошлого времени* и от общих современных условий русской жизни, лишивших ее свободного развития, самостоятельности и просвещения, условий — благоприятствовавших крайнему обострению влияния тяжелых социальных отношений и неправильной системы косвенных налогов» [Шингарев, 1907, с. 221]. Современным социологам может быть интересно, что в работе «Вымирающая деревня» представлен целый спектр взаимодополняющих методов: статистический анализ, анализ документов, включенное наблюдение. Личная вовлеченность в тему исследования позволила автору представить не только объективные показатели бедственного положения в исследуемом уезде, но и мартиролог его несчастных обывателей. А. И. Шингарев, понимая, что работа на ниве просвеще-

⁵ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-506. Оп. 1. Д. 1А.

ния может внести существенный вклад в преодоление нищеты, читал в Санкт-Петербурге на «Высших коммерческих курсах М. В. Побединского» курс «Социальная медицина». Очевидно, что даже краткая характеристика граней деятельности Шингарева, интересная социологам, но не отражающая его вклад в общественное развитие как врача и политического деятеля, дает ясный и четкий ответ на вопрос Н. И. Кареева: «Враги ль народа, кто без слов презренной говорит с ним лести?».

В ходе знакомства со стихотворением Н. И. Кареева можно предположить, что писал он его на одном дыхании, в состоянии эмоционального потрясения от трагической гибели А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина. Однако не будем подвергать некролог в стихах, написанный историком и социологом, анализу с точки зрения его стиля, формы и содержания, оставив это профессиональным литературоведам, которые смогут открыть в нем скрытые смыслы и параллели. Укажем лишь, что уже на закате своей жизни, в 1928 г., Н. И. Кареев еще раз обратился к литературному творчеству, опубликовав литературный очерк «Байдарские ворота» [Кареев, 1928]. Живописное описание горного перевала через главную гряду Крымских гор, ведущего из Байдарской долины (называемой крымской Швейцарией) на Южный берег Крыма, иллюстрированное пейзажем «Алупка» В. Н. Федоровича и фотографией «Восход солнца в Ливадии» Ю. П. Еремина, приоткрывает литературную грань творчества Н. И. Кареева. На страницах этого очерка был размещен и портрет самого Н. И. Кареева, созданный в 1927 г. известным советским художником, мастером графического портрета Г. С. Верейским.

Подводя итоги, отметим, что рукопись Н. И. Кареева «На смерть Ф. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева. Стихотворение» (1918) была отнюдь не единственной его рукописью, которую постигло забвение на столетие. Аналогично сложилась судьба и его научного трактата, посвященного истории анархизма. Научно-исследовательская работа в фондах Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ, Москва) позволила выявить утраченную рукопись Н. И. Кареева «Уильям Годвин и его “Политическая справедливость”». Очерк из истории анархизма». Рукопись, отправленная автором в издательство «Задруга» в конце 1921 или начале 1922 г. (об этом свидетельствуют ссылки на используемую в рукописи литературу), в идеальном состоянии сохранилась в фонде Алексея Алексеевича Борового (1875–1935), публициста, журналиста, историка, философа и теоретика анархизма. Можно с большой долей уверенности предположить, что перед публикацией в издательстве «Задруга» рукопись была отдана на рецензирование ему как специалисту по теории анархизма, но после закрытия издательства в 1922 г. так у него и осталась [Ломоносова, 2019, с. 98]. В 1929 г. часть этой рукописи была опубликована Н. И. Кареевым в виде научной статьи «Уильям Годвин и его “Политическая справедливость”». Со времени своего выхода она ни разу не переиздавалась, а тираж самого серийного сборника научных статей «Ученые записки»⁶ был в те годы настолько мал, что к нашему времени отдельные его экземпляры сохранились лишь в крупнейших библиотеках страны и являются библиографической редкостью. Кроме этого, начиная с 30-х гг. прошлого века само имя Н. И. Кареева было надолго незаслуженно изъято

⁶ Кареев Н. И. Вильям Годвин и его «Политическая справедливость» // Институт Истории. Ученые записки. Вып. 3. М.: РАНИОН, 1929. С. 327–340 [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/nodes/31649-vyp-3-1929#mode/inspect/page/329/zoom/6> (дата обращения: 01.05.2020).

БАЙДАРСКИЕ ВОРОТА.

«Я помню чудное мгновение»... Незолотно приходит на память пушкинский стих, когда я вспоминаю впечатление, произведенное на меня видом на Черное море с высоты Байдарских ворот, через которые едущий из Севастополя вступает на южный берег Крыма.

Проехав широкую Байдарскую долину с постепенным подъемом по направлению

его красота сразу вас поражают, приводят в восхищение, поднимают ваш дух.

Я много ездил по белому свету и много видел грандиозных и прекрасных видов, и прямо скажу, что это один из наиболее потрясающих восторг. Позади вас ворота между скалами, слабо над ними возвышающимися, а налево, прямо перед вами и направо спускающиеся к морю громадные серые скалы,

и дальше, в страшной глубине, это море с высоким - высоким горизонтом, и далекое и близкое, спокойное и пустынное, величественное и голубое, повторю голубое: только человек с острым зрением отличит ясно, где кончается это голубое море и где начинается столь же голубое небо.

Мгновение, когда перед вашим удивленным взором открывается эта поразительная панорама, поистине одно из чудеснейших мгновений. Когда я в первый раз был ошеломлен неожиданностью и красотой картины, я вспомнил другую, также поражающую своею внезапностью: вид на Женевское озеро, тоже голубое-голубое. Когда, подвезая к нему по железной дороге на значительной высоте, после довольно длинного, темного и скучного туннеля, вдруг сразу охватывает

вагном все это голубое озеро из конца в конец. Но там картина все-таки не столь грандиозная: голубая водная поверхность не сливается с голубым небом, а замыкаются вдали грядой Савойских Альп.

Далеко не один раз я испытывал сильное впечатление, стоя у барьера, отделяющего Крымское южно-бережное шоссе от обрыва вниз у Байдарских ворот, и испытывал одно и то же возвышенное настроение, овладевающее душою на высотах с несбывшими горизонтами. Вид от Байдарских ворот

Г. Верейский.

Портрет проф. Н. И. Кареева.

к горным вершинам, кажущимся оттуда невысокими, вы подвезаете, наконец, к двум скалам и к каменным воротам между ними, точно ведущими в какую-то крепость.

Вы выходите из экипажа и идете под этими, довольно длинными воротами, и тотчас же перед вами за грутым поворотом шоссе налево парает, и за ним чуть не вертикальный головокружительный обрыв вниз и впереди, на далекое расстояние, голубое море в рамке двух гигантских скал, тоже круто обрывающихся вниз. Неожиданность такого зрелища, его величие и важность,

из оборота советской историко-философской науки. Важно то, что история создания и публикации этой статьи отражает сложный период в его творчестве — период идеологического давления на ученого. В 2019 г. в журнале «Социологические исследования» эта статья была переиздана с комментариями и пояснениями редколлегии [Кареев, 2019].

Человеческая память весьма несовершенна: имена многих людей прошлых эпох и их выдающиеся достижения оказываются незаслуженно забытыми, чему зачастую способствует идеологическая составляющая исторической науки, которая многие «неудобные» события и имена просто предаёт забвению на долгие десятки лет. Но проходит время, и наиболее значимые исторические моменты, несмотря на длительное замалчивание, вновь обретают актуальность, открывая перед современниками замечательные страницы российской истории. При этом использование архивных материалов при проведении историко-социологических исследований и, как следствие, теоретическая реконструкция истории российской социологии переломного периода революционных потрясений 1917 г. и последующих двух десятилетий позволяет не только ввести в корпус социологического знания новые имена и факты, но и актуализирует внимание на современных явлениях и процессах общественной жизни.

Литература

Ахмадулин Е. В. История российской журналистики начала XX века: учебник. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. 392 с.

Кареев Н. И. Байдарские ворота // Гул земли: Литературно-научный и художественный сборник. Л.: Красная газета. 1928. С. 120–122.

Кареев Н. И. На смерть Ф. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева. Стихотворение. Рукопись с правкой [автора]. 1918 // Институт русской литературы РАН (ИРЛИ РАН, СПб). Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 1396. 2 л.

Кареев Н. И. Уильям Годвин и его «Политическая справедливость» // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 101–113.

Кононова Н. Е., Лисенкова Л. Н. А. И. Шингарев — трагический путь русского врача // Медицина и организация здравоохранения. 2017. Т. 2. № 3. С. 40–46.

Ломоносова М. В. Заново обретая утраченное: о малоизвестном очерке Н. И. Кареева // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 96–100.

Осипов В. В. Белый и Красный террор: правовое регулирование: монография. Красноярск, 2019. 157 с.

Свердлов Я. М. Избранные произведения: Статьи, речи, письма. М.: Политиздат, 1976. 367 с.

Шингарев А. И. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. СПб.: Общественная польза, 1907. 223 с.

Шингарев А. И. Как это было. Дневник А. И. Шингарева. Петропавловская крепость. 27.11.17–05.01.18. М.: Изд. Комитета по увековечению памяти Ф. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева, 1918. 68 с.

“On the Death of F. F. Kokoshkin and A. I. Shingarev”: a Manuscript of Nikolai Kareev in the Pushkin House

MARINA V. LOMONOSOVA

St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia;

e-mail: nm.lomonosova@spbu.ru; lomonosovamv@mail.ru

The article is based on the results of historical and sociological research in the archives of the Pushkin House. In 1918, the famous historian and sociologist Nikolai Kareev wrote an obituary in verse, wishing to pay tribute to his colleagues and trying to convey not even a word to society at large, but a cry — a cry of protest against the brutal murder of Andrei Shingarev and Fedor Kokoshkin. But the Russian Revolution of 1917, which served as the Rubicon between two eras, led to censorship. “The monthly journal of literature, science and public life” in which N. I. Kareev wanted to publish his obituary in poetry was closed. It was an obituary not only to A. I. Kokoshkin and F. F. Shingarev, but also an obituary of an entire historical era.

The article shows that historical sociology as a whole and specific historical and sociological studies require a balanced approach to sources, both traditional and historiographic. At the same time, the sociological method that allows to verify various information and the results of scientific work of past years in the analysis of the document. And in this case, archives act as an important source of documents for the sociologist, and an archival document itself acquires the status of a historical source only when scientific communication arises — that is, after it has been identified in archival collections, followed by publication, and put into scientific circulation.

Keywords: Nikolay Kareev, Andrey Shingarev, Fedor Kokoshkin, Pushkin House, history of Russian sociology, archival document, Russian Revolution.

References

Akhmadulin, E. (2008). *Istoriya rossiyskoy zhurnalistiki nachala XX veka: uchebnik* [The history of Russian journalism at the beginning of the twentieth century: a textbook], Rostov n/D: Izd-vo YuFU (in Russian).

Kareev, N. (1929). Baydarskie vorota [The Baydar Gate], in: *Gul zemli: Literaturno-nauchnyy i khudozhestvennyy sbornik* [Rumble of the Earth: a collection of literary, scientific and artistic], Leningrad: Krasnaya gazeta, pp. 120–122 (in Russian).

Kareev, N. (1918). *Na smert' F. F. Kokoshkina i A. I. Shingareva. Stikhotvoreniye. Rukopis' s pravkoy (avtora)* [On the death of F. F. Kokoshkin and A. I. Shingarev. Poem. Manuscript edited by (author)], in: Institut russkoy literatury RAN [The Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences, (IRLI RAN), St. Petersburg], f. 185, op. 1, no. 1396, 21.

Kareev, N. (2019). Uil'yam Godvin i ego “Politicheskaya spravedlivost” [William Godwin and His “Political Justice”], in: *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, no. 8, pp. 101–113 (in Russian).

Kononova, N., Lisenkova, L. (2017). A. I. Shingarev — tragicheskiy put' russkogo vracha [A. I. Shingarev — The tragic fate of a Russian doctor], in: *Meditcina i organizatsiya zdravookhraneniya*, vol. 2, no. 3, pp. 40–46 (in Russian).

Lomonosova, M. (2019). Zanova obretaya utrachennoye: o maloizvestnom ocherke N. I. Kareeva [Rediscovering the Lost: on Nikolai Kareev's Little Known Essay], in: *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, no. 8, pp. 96–100 (in Russian).

Osipov, V. (2019). *Belyy i Krasnyy terror: pravovoye regulirovaniye: monografiya* [White and Red Terror: Legal Regulation: Monograph], Krasnoyarsk (in Russian).

Shingarev, A. (1907). *Vymirayushchaya derevnya. Opyt sanitarno-ekonomicheskogo issledovaniya dvukh seleniy Voronezhskogo uyezda* [An endangered village. The experience of sanitary-economic research in two villages of the Voronezh district], S.-Peterburg: Obshchestvennaya pol'za (in Russian).

Shingarev, A. (1918). *Kak eto bylo. Dnevnik A. I. Shingareva. Petropavlovskaya krepost'. 27.11.17–05.01.18* [How it was. Diary of A. I. Shingarev. Peter-and Paul's Fortress. 11/27/17– 05/01/18], Moskva: Izd. Komiteta po uvekovecheniyu pamyati F. F. Kokoshkina i A. I. Shingareva (in Russian).

Sverdlov, Ya. (1976). *Izbrannyye proizvedeniya: Stat'yi, rechi, pis'ma* [Selected works: Articles, speeches, letters]. Moskva: Politizdat (in Russian).